

ПРИНЯТИЕ СОБСТВЕННОГО ВЫБОРА И АСПЕКТ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПЕРЕВОДА

THE ADOPTION OF THEIR OWN CHOICE AND ASPECT OF THE
METAPHYSICAL COMPONENT OF THE TRANSLATION

Зульфия Зайтуновна Ибрагимова, Аделя Камилевна Хаялеева
Zulfiya Zaytunovna Ibragimova and Adelya Kamilevna Khayaleeva

*Кафедра общей философии Института социально-философских наук и
массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального
университета, доцент, г. Казань, Татарстан, yuldyz@rambler.ru*

*Кафедра социальной философии Института социально-философских
наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального
университета, аспирант, г. Казань, Татарстан, adel.alpen@gmail.com*

*Kazan Federal University, Kremliovskaya str, 18, 420008, Kazan, Russian
Federation*

Abstract: Попытка выяснить условия овладения своей собственной свободой посредством выбора ведет к конкретизации самой мыслительной ситуации. Действительно, мы не всегда готовы к выбору. Последний предстает по-разному: как мгновенная вспышка, как долгий мучительный процесс, страдание, как безразличное, спонтанное нажатие соответствующих «правильных» клавишей. Вопросы неминуемо возникают в связи с субъективацией¹ и объективацией выбора. Ирония заключается в том, что реальность почти всегда не терпит отсрочки. Она безжалостна к нашим попыткам принять безымянное решение. У этого решения должен быть «автор». Он не может пренебречь своей

---

¹ М. Фуко называет процесс конституирования себя в качестве субъекта (морального, политического, разумного) *субъективацией*.

идентичностью. Словом, в выборе должны совпасть самые разные составляющие человеческой природы и случайные смыслы, акценты. Вплоть до мистического движения души. Но подлинное «авторство» выбора еще не означает, что он нами разделяется, согласуется. Есть решения, принятые вопреки. Нужно ли это считать волеизъявлением субъекта? Где мы видим подлинного человека? В момент принятия своей природы или в минуту отторжения её? Именно поэтому вопросы о «правильности» принятого решения просто снимаются по умолчанию. В основе всего оказывается то обстоятельство: принимаем мы себя, свои поступки, мысли как наше подлинное или нет.

Основные методы, использованные при написании статьи: диалектический, аксиоматический и компаративистский.

Keywords: выбор, свобода, решение, авторство, человек, забота о себе, отчаяние, М.Фуко, ипостась, перевод, субъект, бытие

Введение:

Предыдущая логика наших исследований началась с осмысления значимости феномена Пайдеи для обозначения внутренних преобразований, которые испытывает человек и которые ведут к становлению сильного государства. Это великий идеал всех времен – общественная добродетель, служащая государству. Это необходимо вызвало к жизни вопрос об образовании вообще как инструменте созидания как самого человека, так и государства. Невероятная сложность данной проблемы изначально была предопределена другой важнейшей общечеловеческой ценностью – условиями жизненного выбора человека и его свободой. Вслед за Й. Хёйзинга мы подчеркивали фундаментальный смысл задачи овладения человека своей собственной природой как одной из задач культуры XX века. Мы давно перешагнули этот временной рубеж. Но цель ближе не стала. Внутренняя логика проблемы обозначалась плодотворно Сократом,

Платоном, М. Хайдеггером, М. Фуко и другими. Взгляд М. Фуко позволил творчески осмыслить эллинистические жизненные практики «заботы о себе». Экзистенциализм и неофрейдизм вскрыли неоднозначность понимания свободы, отчасти поставив под сомнение её сияющий пафос. Наша готовность к принятию решения, овладения своей природой и стремление к свободе оказались неочевидными. Тем не менее, личность не может отказаться от «авторства» в совершении выбора, осуществлении своей свободы. Принятие себя, своего выбора, своего понимания свободы требует подчас мужества. Мы обозначили лишь некоторые аспекты поставленной проблемы.

Мишель Фуко исследует этот вопрос вслед за М. Хайдеггером, «сосредоточившись (в отличие от немецкого философа) именно на способах принятия своего существования как собственной задачи. Он ведет не онтологический, но онтический² анализ, однако, безусловно, содержащий онтологические импликации, которые можно спроецировать и на ту *заботу о себе*, которая осуществляется в рамках философского образования» [1]. Главный вопрос, связанный с реализацией идентичности и свободы звучит на редкость ясно, односложно: как прожить свою собственную жизнь, реализовать собственные представления о свободе, учиться постоянно делать выбор (Учиться быть свободным? Будучи всегда неготовым к этому?). Каждый раз как будто впервые. Эта мнимая простота сравнима с расхожим утверждением о том, что мы не придаем значения тому факту, что дышим кислородом... Миркина З. пишет, что «Г. Померанц, будучи школьником, написал сочинение на тему: «Кем я хочу быть?». Гриша

---

²соотносимый с объектами мира. Философия Канта – онтическая философия, потому что она размышляет лишь о внутренних проблемах мира и не поднимается до онтологической проблемы «происхождения» мира (финк). Онтическая рефлексия (направленная на «объекты» мира) противостоит, таким образом, онтологической рефлексии (о самом «бытии» мира). Именно в этом пункте философия Хайдеггера, например, противопоставляет себя философии Канта и пытается ее дополнить. (Национальная философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/onticheskii.html> Дата обращения 15.05.17.

Померанц написал: «Я хочу быть самым собой». Эти слова вызвали негодование педагога. Ответ не советский. Учителю он показался заумным и индивидуалистическим. А индивидуализм тогда сильно не поощрялся. Но Гриша действительно хотел быть самым собой. И стал самым собой. Стать самым собой значит соблюсти верность своей глубине. Отважиться на поиск этой глубины. Найти ее и быть верным ей» [2].

Методы:

Диалектический метод в статье обнаруживает себя как мыслительная процедура, связывающая воедино фрагменты личностного бытия, условия реализации свободы и выбора, иррациональные аспекты принятия своего жизненного выбора. Компаративистский метод реализовался в сравнении разных историко-философских направлений в отношении проблемы выбора и его принятия человеком. Данный метод позволяет рассчитывать на поиск универсальных оснований и различий изучаемого феномена. Аксиоматический метод, использованный в статье - это те отправные положения об объективной возможности человека осуществлять свои представления о свободе посредством выбора. Это реализуется исходя из дедукции – суждений о свободе как общечеловеческой ценности.

Результаты:

Предпринятые нами усилия по формированию предпосылок и условий для понимания феномена выбора человека и осуществления его личностных представлений о свободе являются лишь очередным переходом, ступенью понимания проблемы. Понимание субъектности, субъективации требуют более глубокого изучения, в частности, наследия М. Фуко. Для нас важным ориентиром является постановка вопроса о «человеческом присутствии» в этом мире, «вброшенности», о роли милосердия как качественной меры культуры в индивидуальных

актах принятия и органичности жизненного выбора. Определенный оптимизм внушает концепция множественности человеческих ипостасей, возможность их пластического перевода на общезначимый язык культуры,

Выводы:

Как вообще определить, что началась настоящая жизнь, а не бесконечная подготовка, приценивание, различные уловки, вполне рациональная, оттого пугающая нас, установка на «притормаживание» событий собственной жизни. С какой целью? Сделать свой «проект» наиболее совершенным, неуязвимым? Тогда почему столь нелегко принять свою жизнь, свое существование как органичный продукт? Почему отторжение своей собственной сущности способно вызвать в нас не только негатив, но и отчаяние. Герой рассказа В. Кантора Павел Галахов, оказавшийся больным и одиноким на старости думает о «невнятице прожитой им жизни». После мучительного ухода из жизни одного из своих друзей он называет случившееся «жестоккой смертью отчаяния». «Нет, думал Павел, нет вечного возвращения, Ницше неправ, есть лишь постоянное возвращение человека в небытие. Это вечный путь, проходимый каждым» [З.С.19,8,5].

Обыденность учит нас бежать от отчаяния. Религиозные догматы категоричны в оценке отчаяния. Но отчаяние - не просто важная деталь нашего существования, без него, по словам Г. Померанца, невозможен переход в глубины бытия, где царит добро и благодать. Ведь мир на поверхности «лежит во зле».

Эта позиция вступает в диссонанс с другим видением, например Фуко. М и других. Важна не глубина бытия, а его поверхность. Дьяков А.В. пишет, что «М. Фуко не отрицает существования субъекта. Он говорит лишь о том, что 1) субъект и есть порождаемые им смыслы и что 2) субъект постоянно перемещается. Фуко предлагает нам модель

«плоского» мира, в котором поверхностные смыслы не обмениваются на глубинные «сущности», а раз смысл не имеет корней, он постоянно скользит по плоскости. Более того, сами смыслы и создают эту плоскость. Субъект постоянно перемещается по этой плоскости смысла. ... Это означает не только то, что субъекта нет ни в одной точке, но и то, что он есть во всех точках разом. Если мы откажемся от надежды его локализовать, мы сможем обнаружить его местопребывание, его топос. Фуко отнюдь не выпрыгивает из человеческой кожи. Он просто говорит нам о том, что кожа — это и есть человек, нет никакого «человека», которому принадлежала бы эта кожа или которой он был бы покрыт. В общем, повторяет любимую всеми постструктуралистами формулу П. Валери: глубочайшее — это кожа». У человека нет глубины, у него есть только поверхность. И все смыслы и все «истории» происходят на поверхности человеческой кожи. Вернее даже, не на её поверхности — это снова было бы возвращением к телеологическому мышлению, — а на самой коже, которая и есть поверхность, которая и есть человек. Все смыслы возникают на нашей поверхности, нас-как-поверхности. За поверхностными эффектами нет глубинных сущностей. Мы — это наша поверхность? Нет, не «наша», а просто поверхность». [4]

Отчаяние, столь очевидное для С. Кьеркегора [3,с.367], прежде всего, осознание индивидом его трагичной одинокости, драматического существования, «вброшенности» в бытие. Отчаяние, по мысли Кьеркегора, указывает на саму причинность и возможность существования, открывает причастность человека бытию [5].

Что касается других жизней, то всё очевидно и не вызывает сомнений. Но сами оправдания неготовности, неочевидности авторского жизненного «почерка» так понятны нам. Этот тот язык, посредством которого мы пишем самый сложный и интересный текст нашей жизни. Почерк иногда меняется кардинально, краски блекнут и вновь оживают. Наши рассуждения о неочевидности готовности человека овладеть своей

свободой, осуществлять постоянно свой выбор, приводят к осознанию того, что он неминуемо ожидает любого из нас. Субъектность, как необходимость, закономерность могут быть сняты с наших плеч. В конце концов, как это часто и обыденно-рутинно происходит: выбор делается кем-то за нас. Это немислимая задача для многих сделать свой выбор. Нет смысла подвергать это уничижительной критике. Мы еще все беспомощны, иногда намеренно уходим от личной ответственности. Легче всего оправдаться и сказать словами М. Хайдеггера: «Бытие с самого начала отвернулось от нас... Мы лишь пытаемся мыслить».[6].

«Физическая теснота только проекция нашего мыслительного хозяйства. Наш мир никогда не бывает лучше нашей речи»[7] метко отмечает В. Бибихин – что можно оформить в качестве методологической составляющей нашего вопроса. При столкновении с вопросом о собственной природе субъект (как субъект активный, безусловно), вынужден формулировать вопрос. Но нельзя не отметить вслед за Хайдеггером, [8] даже внутреннюю речь мы всегда переводим из режима предчувствия мысли в конечную форму, существующую по законам языка. В этот-то момент и может произойти (а обычно так и случается) – своеобразная «сшибка» в переводе – ведь идеального перевода не существует. Даже в этой первичной постановке вопроса появляется флюс, что, конечно, отдаляет нашего субъекта от возможности прямого вопроса о собственной природе.

Немного шире раскроем проблему перевода. Перевод – это всегда возможный мир. Переводу иногда могут противостоять как политические, культурные, так и сугубо языковые факторы. Момент неопределенности возникает уже в процессе перевода. На мельчайшем уровне – происходит выбор из череды синонимов, в более широком – определение доминанты переводного текста: уклон в форму или содержание. Из множества вариантов необходимо остановиться на одном и нанести еще один мазок

на холст перевода. Метафора холста непредумышленно символизирует то, что перевод – это не только дурная или хорошая копия, а заново выстроенное, или даже иное произведение.

Так, мы находим метафизическую составляющую перевода: это способ бытия, задающий для нас ситуацию выбора. Переводчик располагает средствами в виде слов, знаков, фоновых знаний, истории текста, с помощью которых он может приблизиться к миру оригинала: воссоздать «ауру» аутентичного источника. Вслед за Беньямином мы используем слово «аура» как «уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» или «как выражение культовой значимости произведения искусства» [9]. В сугубо техническом же переводе этот процесс превращается в переложение знаков из одной системы в другую по принципу первой ассоциации. На это явление указывает А. Марков: «переводчик не воспроизводит понятое, не следует своему размышлению, но все время по-новому членит текст и по-новому экзистенциально его проживает...» [10]. Мы понимаем перевод в широком смысле, как трансформацию некоторых смысло-знаков, образов, знания в другую систему, имеющую иные коды фиксации данной информации.

Зайцева Т.Б. [11, с.66] отмечает, что смысл экзистенциального страха раскрывается только в отношении индивида к самому себе и определяет степень зрелости личности, духовности человека. Страх — «головокружение свободы» [12, с. 160], которое охватывает человека перед пропастью, т.е. возможностью и необходимостью личностного выбора. Человека одновременно и привлекает, и отталкивает возможность сделать решительный выбор, который требует от него мужества быть свободным, возлагает на него ответственность за собственное существование. Любецкой В.И. видит лишь единственный путь обретения свободы через индивидуальный выбор. В повседневных

и многочисленных проявлениях жизни «должен осуществиться переход к «внутреннему», где и находится экзистенциальное измерение человека. Это обретение экзистенции осуществляется через решающий выбор человека, его выход из предметного бытия к единственному и неповторимому самому себе. Это можно понять как идеальное действие человека, движение к его фундаментальной заданности, уникальный индивидуальный прогресс, который опирается только на то неуловимое, что заключено в предмете веры» [13].

Осуществление свободы посредством собственного выбора опирается, в конечном счете, на внутренний экзистенциальный потенциал человека. Ему, когда-то вырвавшемуся из лона природы в поисках своей неорганичной, духовной сущности и создавшему мир культуры, необходимо помнить о возможности возвращения к собственной природе в любой точке этой культуры. Диалектика такого челночного движения требует сильнейшего духовного преобразования. К счастью, это движение обратимо.

Благодарность:

ACKNOWLEDGEMENT: The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

ССЫЛКИ

[1] Лехциер В.Л. Забота о себе и проблема философского образования // Идея университета и топос мысли. Материалы конференции 3-5 октября, 2005 г. - Самара: Самарский государственный университет, 2005. - С.51-65. [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x4111.htm> (Дата обращения 15.05.17).

[2] Миркина З. Эссе. Тоска по Богу. [Электронный ресурс]. URL: <http://pomerrants.livejournal.com/36146.html> (Дата обращения 15.05.17).

[3] Владимир Кантор Смерть пенсионера// «Звезда». - 2008, №10. – 20 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/10> (Дата обращения 15.05.17).

[4] Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» [Электронный ресурс]. URL: <http://jkhora.narod.ru/foucault001.pdf> (Дата обращения 15.05.17).

[5] Кьеркегор С. Болезнь к смерти. – М.: Республика, 1993. – с.251-350.

[6] Хайдеггер М. Что значит мыслить? [Электронный ресурс]. URL: http://www.libok.net/writer/5885/kniga/17957/haydegger_martin/chto_znachit_my_islit/read (Дата обращения 15.05.17).

[7] Bibikhin VV Language philosophy // path. International philosophical journal. - 1993. - №. 3. - P. 57-119.

[8] Heidegger M. Parmenid [Parmenides] //Saint-Petersburg, Vladimir Dal. – 2009.

[9] Benjamin W. The work of art in the age of mechanical reproduction. – Penguin UK, 2008.

[10] Markov difficulty learning and translation // Questions of literature. - 2009. - №. 2. - P. 109-117.

[11] Зайцева Т.Б. Категория отчаяния или "Болезнь к смерти" в философии Сёрена Кьеркегора [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/RES_COGITANS/2009_6/12.pdf
<http://www.gramota.net/materials/3/2012/11-1/11.html> (Дата обращения 15.05.17).

[12] Любецкий В. И. Экзистенциалы человеческого бытия в философии Сёрена Кьеркегора: от отчаяния к вере // Молодой ученый. — 2015. — №24. — С. 1175-1178.[Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/104/> (Дата обращения 15.05.17).

[13] Там же.

